

ОТЗЫВ

официального оппонента

Смирнова Сергея Алевтиновича

на диссертацию

Ростовой Натальи Николаевны

«ДЕКОНСТРУКЦИЯ САКРАЛЬНОГО В ФИЛОСОФСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА»,

представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Актуальность исследования

Актуальность данного исследования можно рассмотреть с точки зрения нескольких проблемных проекций.

Актуальность исследования, связанная с развитием современного философского антропологического дискурса.

Диссертация Н.Н.Ростовой фактически показывает на примере проблемы развития дискурса философии сакрального, что, с одной стороны, тренд, долгое время доминировавший в философии и показывавший отказ от проблемы трансцендентного, проблемы онтологически Иного, или уже – проблемы всякого символического горизонта, этот тренд себя исчерпал уже в силу того, что базовые утверждения, на которые он опирался, как-то, смерть идеи Бога и смерть идеи человека, оказались, мягко говоря, преждевременными. Человек жив и никуда не делся. С Богом сложнее, но мы имеем сейчас известный тренд постсекулярности. Более того, обнаружилось, что сам человек радикально меняется и необходимо вырабатывать новый, соответствующий ситуации, современный философский дискурс, удерживающий в себе необходимое ядерное содержание – идею сакрального и ее дериваты, божественного, совершенного, абсолютного, священного, точнее, его онтологию. И здесь современная философия испытывает серьезный дефицит. Как показано в работе Н.Н. Ростовой при интерпретации сакрального различные авторы демонстрировали стремление произвести разного рода редукции сакрального и утерю базовых ориентиров, в силу чего исчезал не только дискурс, не только предмет дискурса, но и сам автор дискурса.

В то время как, как фиксирует Н.Н. Ростова, «сакральное – это не некая таинственная область, которая заставляет ученого замолчать или искать метафоры, но философский концепт, предполагающий определённую онтологию, антропологию, социологию» (с.4). Н.Н. Ростова справедливо замечает, что термин «сакральное» является продуктом определенного дискурса, выявление посылок и следствий которого вносит ясность не только в понимание «сакрального», но и в онтологию современного человека» (с.4).

Актуальность исследования в связи с современной ситуацией человека.

Ситуация человека как раз характерна тем, что человек не умер. Ушло в прошлое доминирование одного из проектов человека, человека рационального, классического, разумного, человека эпохи Просвещения, идущего корнями из эпохи Возрождения, человека-титана и человека-тирана, человека – венца творения и человека-естествоиспытателя и пытателя природы и мира. Этот проект также не ушел, но он перестал быть доминирующим. На его смену пришло множество проектов человека. Уже М.Шелер называл пять проектов человека, выработанных философской мыслью. Именно проектов, идей человека. В настоящее время обостряется борьба между этими идеями человека, за которыми стоят разные тренды и сценарии развития и разные научные школы и группы влияния. Вместо человека разумного приходит человек безумный, невротик,

аутист, виртуал, человек кликающий и т.д. В этой связи имеет смысл понять, насколько остаётся актуальной разработка проблемы сакрального как одного из базовых философских ориентиров в современном пёстром философском дискурсе в ситуации борьбы идей человека.

Такое понимание ситуации человека диктует философскому сообществу необходимость не только вырабатывать современный философский дискурс, касающийся радикальных изменений самого человека, но и восстанавливать, фактически проводить заново новую институционализацию философской мысли, претендующей на удержание истока, делающего существование человека осмысленным и онтологически укоренённым и возвращающим человека к его бытию. Н.Н. Ростова показывает своей работой это свое устремление в сторону восстановления имен, смыслов и истоков.

Актуальность исследования в связи с необходимостью разработки философско-методологических оснований новых антропологических проектов.

Поэтому в работе Н.Н. Ростовской проводится красной линией методологическое утверждение, что актуализация темы сакрального связана с темой, которая уже давно, с эпохи Возрождения, внедряется в интеллектуальную среду – темой смерти идеи Бога и смерти концепта человека. Европейские интеллектуалы, каждый по своему, дискурсом сакрального заменяют божественное и человеческое, во имя идеалов свободы и любви к истине.

Эта связка играет роль концептуального каркаса всего исследования Н.Н. Ростовской. Он крепит все его содержание.

И коль скоро дискурс сакрального является, с точки зрения Н.Н. Ростовской, вариантом замены идеи божественного и антропологического, то необходимо предложить некую антропологическую альтернативу. Для этого необходимо подготовить интеллектуальную почву, чему и посвящена работа Н.Н. Ростовской, как пропедевтика для её нового антропологического проекта – проекта человека литургического.

Степень научной разработанности темы и проблематики и освоение их соискателем.

В работе подробно и основательно показана история дискурса сакрального в философии, с привлечением также и культурных параллелей, взятых из искусства, литературы, театра, живописи.

Автор привлекла для выявления историографии проблемы обильное число авторов, включая работы Э.Дюркгейма, М.Мосса, Р.Отто, З.Фрейда, М.Шелера, Л.Леви-Брюля, Ж.Батай, Р.Кайуа, М.Элиаде, М.Хайдеггера, Э.Левинаса, Ж.-Л. Мариона, Ж.Бодрийара и др.

Н.Н. Ростова подробно показала формирование дискурса сакрального на примере работ этих и других авторов. Соискатель продемонстрировала владение темой, подробное и доскональное знание источников на ведущих европейских языках, фактически вскрыла ранее слабо описанную, но фактически существующую традицию формирования дискурса сакрального в европейской философии.

При этом соискатель справедливо ставит оптику исследования на понимание того, как устроен не только сам феномен сакрального, но и сам дискурс философии сакрального, как он менялся и развивался в философской традиции.

Постановка проблемы автором

В связи с заявленной темой, посвященной дискурсу философии сакрального, автор и ставит проблему, связанную с тем, что популярность темы сакрального и увлечение этой темой в её разных вариациях связана прежде всего с тем, что сама

тема сакрального смешивается и замещается иными темами, иной реальностью. Различные авторы смешивают сакральное с религией, с божественным, с абсолютом, запретным, табу, традицией. Как пишет Н.Н. Ростова, в связи с неясной формулировкой предмета исследования происходит смещение и смешение понятий. В то же время, утверждает Н.Н. Ростова, сакральное – это не Бог, не религия, не традиция. Как раз наоборот. У авторов, разрабатывавших дискурс сакрального, феномен последнего означает «тот способ, который позволяет отстраниться от понятий религии, Бога, традиции» (с.6), и, в пределе, этот способ вообще предполагает отказ от трансцендентного, попытку отказаться от проблемы трансцендентного. Заметим вслед за Н.Н. Ростовской – и тем самым это показывает отказ вообще от Бога как идеи и реальности и человека как рода сущего, нуждающегося в отношении с божественным бытием как с онтологически иным себе.

Тренд на уплощение и упрощение дискурса в сторону простых схем и конструкторов на примере дискурса философии сакрального фактически и показывается в исследовании Н.Н. Ростовской.

Соискатель в этой связи и ставит проблему: учащение и популяризация дискурса философии сакрального и разного рода редукции этого феномена связаны с тем, что в самом философском дискурсе усилиями разных авторов, включая Ф.Ницше, М.Хайдеггера, Ж.Батай, Р.Рорти и других, была внедрена ключевая разрушительная идея смерти Бога, за которой стоит идея смерти человека. Эта связка выступает у Н.Н. Ростовской фактически концептуальным каркасом, крепящим дискурс самого исследования Н.Н. Ростовской.

Определение объекта и предмета исследования

В качестве объекта данного исследования выступает феномен сакрального, а в качестве предмета – дискурс философии сакрального.

В связи с этим необходимо заметить, что Н.Н. Ростова в своем исследовании основное внимание уделяет, разумеется, тому, как менялся и у каких авторов, в какую сторону, философский дискурс о сакральном. И в связи с этим Н.Н. Ростова предлагает свою рубрикацию тематики дискурса о сакральном. Эта рубрикация дается Н.Н. Ростовской следующим списком (с. 12):

1. Сакральное как специфика человека;
2. Сакральное как посредник между человеком и миром;
3. Сакральное и аффект.
4. Амбивалентность сакрального и Страх Божий;
5. Сакральное и структура социо-антропологического пространства;
6. Структура «сакральное-профанное» и символ;
7. Сакральное и ритм;
8. Сакральное и табу, праздник, трата;
9. Сакральное и условие целостности человека;
10. Сакральное и Абсолют.
11. Сакральное и социальное;
12. Соотношения «я» и «мы» в сакральном.
13. Сакральное и бессознательное;
14. Сакральное и обряд;
15. Сакральное, жертва и дар;
16. Сакральное и кровь.
17. Сакральное и язык.

Данный список становится далее у соискателя структурообразующим каркасом всего дальнейшего исследования. Н.Н. Ростова описывает дискурс

философии сакрального с точки зрения соотношения сакрального и профанного, сакрального и табу, сакрального и абсолюта, сакрального и аффекта и т.д.

Данные пары становятся у Н.Н. Ростовой узловыми точками, реперами, по которым она рассматривает развитие и приключение дискурса сакрального у разных авторов. Н.Н. Ростова справедливо полагает, что именно в связи с теми или иными вариантами смещения и редукций у того или иного автора возникает смещение акцента при рассмотрении феномена сакрального то в сторону связки сакральное и профанное, то в сторону связки сакрального и аффекта и т.д.

Например, связку сакрального и аффекта раскрывали в своих работах такие авторы, как Э.Дюркгейм, Ж.Батай, В.Тернер, К.Леви-Брюль и др. А тему связки сакрального и жертвы, ритуала изучали В.Тернер, Ж.Дюмезиль, Дж.Фрэзер и многие другие.

Н.Н. Ростова показывает обширные списки авторов по всей указанной ею рубрикации и иллюстрирует свой собственный дискурс обильными цитатами из авторов. Вместе с тем здесь кроется и большой риск утраты своего собственного предмета, риск потери исследовательской позиции. В погоне за богатым содержанием и убранством мысли того или автора Н.Н. Ростова, периодически увлекаясь (по понятным причинам), теряет и саму логику собственного дискурса и свой собственный предмет.

Метод исследования

Работа Н.Н. Ростовой называется «Деконструкция сакрального в философском исследовании человека».

Само название указывает, казалось бы, на метод исследования, с помощью которого автор собирается выстраивать свой собственный дискурс и исследовать проблему. Таковым, похоже, и является деконструкция. Несмотря на то, что в самом названии слово «дискурс» отсутствует, имеет смысл полагать, что автор имеет в виду именно деконструкцию философского дискурса о феномене сакрального. Тем более в качестве предмета исследования указан именно он – дискурс философии сакрального.

В явном виде вообще-то таковой метод в работе не описан и не предъявлен. Нет отдельного раздела в исследовании, посвященного тому, каков его метод и с помощью каких процедур и инструментов соискатель собирается разбираться с этим коварным убегающим от разных авторов феноменом сакрального. Строго говоря, употреблять понятие или просто идею о деконструкции в современной ситуации, после М.Хайдеггера и Ж.Деррида – вещь ответственная и чреватая. Это связано с тем, что если исследователь предлагает провести деконструкцию некоего предмета, то это означает, что он предлагает его распродеть, вскрыть его существо, показать, как он устроен, откуда его генезис, в чем его истоки и далее вновь его собрать, но на новой основе, как бы в новом качестве и в новой понятийной рамке. То есть, осуществить глубинную реставрацию предмета, но сохранив его как особый феномен.

В данном же случае мы имеем перед собой весьма мягкий вариант деконструкции, не описанный, но фактически представленный во всей логике исследования, в которой показаны приключения феномена. Получилось так, что исследователь осуществила такое путешествие, пережив, как Р. Барт, приключение языка, ловя ускользающий феномен, который прячется в разные одежды, убегая от исследователя и надевая разные маски.

Признаться, получилось действительно увлекательное приключение. Но как таковой деконструкции в рефлексивном плане автор не предъявил. То есть не описал сам понятийный конструкт – что есть феномен сакрального, после того, как это приключение было осуществлено. В этой погоне сам предмет, то есть дискурс философии сакрального и сам феномен сакрального, зачастую убегал и от

преследователя – от самой Н.Н.Ростовой. Трудно было уловить, а что собственно имеет в виду сам соискатель, пересказывая подробно и в деталях очередного автора. Будь то эпизод о смерти Бога у Ф.Ницше и М.Хайдеггера или эпизод, весьма многостраничный, с насыщенным феноменом у Ж. Мариона (который, кстати, не хоронил Бога, а пытался обосновать смерть метафизической идеи Бога как концептуального идола, закрывающего нам доступ к божественному).

Впрочем, это лишний раз показывает сложность самого предмета и амбициозность задач исследования.

Постановка цели и задач исследования

Целью исследования ставится следующее: выявить пределы дискурса философии сакрального в исследовании человека (с. 18).

Н.Н. Ростова, обозначив выше приведенный реперторий, список основных пар соотношения сакрального и иных феноменов, выстраивает соответствующий ансамбль, из которого состоит базовый круг, определяющий пределы дискурса философии сакрального.

Рассмотрение этого списка-репертория становится у Н.Н. Ростовой списком задач исследования (с. 18-19):

1. выявить структуру дискурса философии сакрального и проанализировать ее ключевые элементы;

в качестве *подзадач* здесь выступают:

- анализ соотношения сакрального и аффекта;
- критика теории амбивалентности сакрального;
- введение понятий «психологический страх» и «мистический страх»;
- анализ соотношения сакрального и понятия структуры;
- выявление противоречивости структуры «сакральное-профанное»;
- анализ специфики религиозного сознания;
- противопоставление философии, оперирующей оппозицией «сакральное-профанное» для описания человека и мистериальной общины, символического подхода;

- анализ феномена жертвоприношения;

- выявление соотношения «я» и «мы» в пространстве культа;

- выявление соотношения сознания и бессознательного в религии.

2. провести сравнительный анализ того, как работает каждый элемент дискурса в русской философской традиции и в европейской философской традиции, и показать ментальный разрыв между этими традициями;

3. проанализировать генезис и содержание понятия «смерть Бога» и показать, что философия сакрального является производным этого понятия;

4. показать, что «теологический поворот в философии» аналогичен дискурсу философии сакрального и в силу тех же оснований является выражением идеи смерти Бога;

5. проанализировать место идеи смерти Бога в русской традиции;

6. показать, что философско-антропологический смысл идеи смерти Бога непосредственно связан с идеей смерти человека;

7. выявить и проанализировать культурные параллели философии сакрального – в теологии, в искусстве, в повседневном сознании, - и показать, что философия сакрального является не локальным культурным явлением, но симптомом современного сознания вообще.

Фактически, идя по логике списка, Н.Н. Ростова и решает задачи своего исследования, очерчивая пределы и структуру дискурса философии сакрального. Идя по линии этой границы, обозначенной выше названным реперторием, Н.Н.Ростова описала то, чем сакральное не является, она описала список редуций и смещений, продемонстрировав фактически линию апофатического

доказательства. Но вот чем сакральное реально является и в каких вариациях оно присутствует – здесь мы имеем много вопросов.

В этом плане не хватает методологического обоснования: почему у соискателя сформировался и как именно этот реперторий, этот список основных пар, по которым исследователь осуществляет анализ и соотношения сакрального и профанного, сакрального и аффекта, сакрального и феномена жертвоприношения и т.д.

Сам список был просто предъявлен как результат некоей внутренней исследовательской кухни автора. Но трудно разобраться в том, по каким основаниям, по каким критериям классификации и систематизации этот список получился, в результате какой работы. Поскольку этот список является у автора ключевым и он образует все основное тело исследования, то здесь важно понять – откуда и как он формировался.

А для этого необходимо ввести критерии классификации структуры понятий и терминов дискурса. И ввести принципы и правила формирования самого дискурса – как он формируется, каков его генез, истоки, какие тренды на него влияли, его метаморфоз и т.д. К сожалению, в данном случае испытывается определённый дефицит понимания того, как проводилась такая классификация дискурса. Хотя, разумеется, при погружении в материал начинаешь угадывать, как и почему формировался этот список, почему появляются те или авторы и те или иные понятия. Например, почему вдруг появляется М.Хайдеггер или почему появляется Ж. Батай. И какое отношение они имеют к формированию дискурса философии сакрального.

Степень обоснованности новизны и положений, выносимых на защиту.

В то же время именно выше названный реперторий задач и исследование в связи с этим обозначенных пределов дискурса сакрального становятся весьма существенным вкладом в исследование проблемы. Работа носит весьма новаторский характер. Фактически (правда, при наличии обозначенного нами выше дефицита рефлексивного анализа у автора) работа представляет собой некую своеобразную феноменологию сакрального. В этой связи один из важных авторов, к которому обращается Н.Н. Ростова, современный феноменолог Ж.-Л. Марион, мог бы ей же помочь в части постановки феноменологического метода, в основании которого было введение концепта «насыщенных феноменов». Феномен сакрального мог бы быть здесь при помощи феноменологического метода уже показан содержательно в версии катафатики. Правда, Н.Н. Ростова этим не воспользовалась. Для нее Марион, равно как и Хайдеггер, и Ницше выступают теми авторами, которые демонстрировали философское мышление без Бога. Впрочем, что тоже спорно. Известно, что М. Хайдеггер сочетал свою фундаментальную онтологию с поисками «последнего Бога», что показано в современных исследованиях и публикациях самого философа (его работа «Вклады в философию. От события»).

Но не об этом речь. Речь о том, что Н.Н. Ростова весьма подробно и содержательно, последовательно показала пределы дискурса философии сакрального по своему авторскому словарному списку и увязала проблему сакрального с трендом, направленным на мышление без бога и без человека, заменяющего их либо на метафизические абстракции, либо на аффекты, либо на животные инстинкты, страхи и страсти.

Автор показала при этом специфику генезиса и развития дискурса сакрального в отличие от русской духовной традиции, которую Н.Н. Ростова относит к мистериальной. Н.Н. Ростова полагает, что русская духовная традиция как раз не отказывалась от проблемы трансцендентного и включала в свой строй

мысли необходимый опыт духовного богообщения и духовной практики с онтологически Иным. Это, добавим от себя, доказывается и развитием русской монашеской молитвенной практики духовного богообщения у исихастов, развитием философии всеединства, философии имяславия. Тема русской духовной традиции в работе Н.Н.Ростовой стоит вообще отдельным разделом. Правда, и здесь возникают вопросы опять же относительно набора имен. Почему Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Н.Ф. Федоров и Д.С. Мережковский? Почему не В.С. Соловьев, не философия поступающего бытия М.М. Бахтина, не опыт философской аскезы П.Я. Чаадаева или поиски почвы у Льва Шестова? Опыт П.А. Флоренского, его «Философия культа», при этом отнесены в другой раздел. То есть, этому списку можно противопоставить и свой. Но дело не в списке имен. Дело опять в основаниях. А они не предъявлены.

То же самое касается, кстати, и списка имен из европейской традиции. Н.Н. Ростова показала приключение идеи сакрального и идеи смерти Бога на примере линии, идущей от Г.В.Ф. Гегеля, Ф. Ницше через М. Хайдеггера к Р. Рорти и Ж.-Л. Мариону. Возникает вопрос – почему так? И почему нет противоборствующей линии в лице Св. И. Лойолы, С. Киркегора и далее к М.Хайдеггеру, опыт мышления которого, мне кажется, представлен в усеченном виде?

Более того, сама идея Бога обсуждается в работе в рамках вполне определённой традиции – в русле философской метафизики, метафизики религии, в которой Бог представлен как абстрактная идея и субстанция. В то время, как и в европейской, и в русской духовной традиции присутствует иное понимание Бога – как живой личности Иисуса Христа, с которой верующий вступает в личное богообщение (так у Лойолы, так у русских монахов-исихастов, ведущих свою традицию от Григория Паламы и византийских отцов). Такой Бог не может быть убиенным. Общающийся и находящий своего личного Бога и переживающий опыт преображения через практики аскезы верующий, то есть собственно человек, тоже не может быть убиенным. Он всегда возрождается благодаря духовным практикам. К этому списку можно присовокупить и практики у суфиев, у даосов, у хасидов, практики дзен. Но опыт духовных практик Н.Н.Ростова не исследует. В ее круг входит традиция формирования европейского теоретического дискурса.

Но это опять же заметки на полях. Главное состоит в том, что Н.Н.Ростова весьма оригинально и вполне подробно показала связку между развитием и метаморфозом дискурса философии сакрального и генезисом идеи смерти Бога и далее идеи смерти человека. Важна фиксация последней идеи. Н.Н. Ростова показала, что западноевропейская философская традиция стремилась умертвить и Бога, и человека именно в связи с разного рода редукциями, сведением Бога к тотальности, а человека – к «животному и стихии».

И здесь Н.Н.Ростова предлагает (пока, правда, в конспективном, лапидарном стиле), свой вариант ответа. Она предлагает свой альтернативный вариант связи идеи смерти бога и концепта смерти человека. Н.Н.Ростова предлагает идею Бога понимать как Форму сознания, упорядочивающего и вводящего в сознание человека идею цельности и порядка. Смерть Бога означает смерть Формы, что не устраняет самого Бога и человека.

Степень обоснованности выводов и рекомендаций

Выводы и рекомендации работы обоснованы, предметны и весьма перспективны.

Н.Н. Ростова справедливо полагает, что «исследование дискурса философии сакрального, его структуры, содержания, взаимосвязи с предшествующей и последующей философией, с другими сферами культуры, позволило увидеть в

нем не локальную интеллектуальную традицию, но симптом современного сознания вообще, которое описывается в терминах смерти Бога» (с. 290).

Н.Н. Ростова делает вполне обоснованный вывод, что «устранение фигуры Бога в европейской традиции, прибегающей здесь в том числе и к дискурсу сакрального, есть попытка имманентизировать человека, лишить его трансцендентных перспектив, игнорируя проблему субъективности как того, что не редуцируемо к миру. На деле же устранение Бога означает возвращение человека к хаотичным состояниям субъективности, в ситуацию непонимания и невозможности бытия и со-бытия» (с. 290).

В свою очередь Н.Н. Ростова предлагает свою антропологическую альтернативу – проект «человека литургического». В этом предложении она видит развитие духовной традиции в лице о.П.А. Флоренского.

Важным выводом и рекомендацией является фиксация Н.Н. Ростовской определённых трендов, переживаемых современным человеком. Она обращает внимание на необходимость обращения к «теме внутреннего опыта в связи с понятием антропологической Формы». Мы выше обозначали дефицит этой работы в данном исследовании (духовные практики богообщения). В связи с этим Н.Н. Ростова предлагает «проанализировать соотношение духовного опыта, предполагающего фигуру Бога, внутреннего опыта, редуцирующего Бога до беспредметной мистики и сакрального, и виртуального опыта, редуцирующего чувства к симуляции». Такие три тренда вполне обоснованно можно выделить в современной антропной ситуации. Либо мы видим тренд, направленный на выстраивание духовного опыта, либо мы видим тренд, направленный на уход человека в беспредметную мистику, либо мы видим уход человека в виртуал (виртуальный человек, виртуальные практики). Тем самым продолжение данного исследования получит серьезное практическое обоснование, касающееся анализа антропологических трендов.

Замечания

Данное исследование показывает высокую квалификацию соискателя и несомненный вклад ее в разработку проблематики современной философской антропологии. Тем не менее, необходимо сделать ряд замечаний методологического характера.

1. Замечания к методу исследования. Метод исследования в данной работе слабо прописан и не выделен в логике, процедурах и инструментах. Метод оказался скрытым в тексте, хотя он и присутствует по факту проведения работы. К числу методов автор также относит и такие, как синтетический, философско-антропологический. Последний она представила фактически как установку взгляда, установку оптики мышления: «принятие посылки о том, что человек есть не элемент популяции, каким он является для биологии, не элемент социума, каким он является для социологии, а, по выражению Н.А. Бердяева, духовное существо, то есть свободное, не детерминированное извне» (с. 13). Разумеется, в такой формулировке метод больше выглядит как установка мышления.

2. Замечания к новизне и положениям, выносимым на защиту.

Следствием выше сказанного является то, что сами положения, выносимые на защиту, связаны с предъявленным Н.Н. Ростовской списком, показывающим пределы дискурса сакрального. Но основания для классификации Н.Н. Ростовской не предъявила. Равно как и не предъявила основания для своей альтернативы – почему для автора Бог выступает Формой сознания. А смерть Бога выглядит у нее как смерть Формы сознания.

То есть по факту в самом изложении Н.Н. Ростовской бывает убедительной, но эта убедительность не подкрепляется методологическими основаниями.

Убедительность формируется самим читающим текст исследования, а степень убедительности зависит от квалификации самого читающего.

3. Замечания к языку и стилю изложения.

Причиной выше названных недочетов является в том числе не только методологическая непрояснённость, но также и богатый на метафоры и художественные тропы язык исследования. Научная метафора хороша тогда, когда она показывает новый смысл, пересечение смысловой границы и раскрывает горизонт. Но далее метафору необходимо достраивать до понятийного конструкта и вводить понятие. В данном случае испытывается дефицит по введению понятий. Обилие цитат, часто самих перегруженных метафорами, не проясняет содержание, а перегружает его. Текст становится художественным, он читается как роман. Это, наверное, по-своему хорошо. Но тогда исследование, представленное в форме художественного романа, нуждается в дополнительных рефлексивных комментариях самого автора. А этого как раз не хватало, не хватало авторской речи, авторского голоса, авторской ремарки. Автор прятался за обилием других цитат и других авторских проекций.

Заключение

Выше названные замечания никак не влияют на философскую и научную значимость данного исследования. Они относятся зачастую к плану изложения работы, нежели к плану самого исследования и лишний раз фиксируют проблемные точки, показывающие необходимость проведения дальнейших исследований. Работа Н.Н.Ростовой демонстрирует глубокие, энциклопедические знания автора, точность и проницательность её научного взгляда и оригинальность подхода к проблеме.

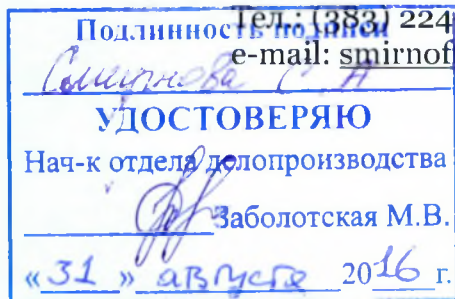
Исследование Н.Н.Ростовой является глубоко самостоятельным, отличается оригинальным, авторским стилем, цели и задачи исследования достигнуты, соискатель показал высокую квалификацию философа-исследователя. Своим исследованием Н.Н.Ростова предъявила интересную заявку на новый антропологический проект «литургического человека» как альтернативу всевозможным редукциям и лозунгам о смерти человека, что нуждается в дальнейших исследованиях и изысканиях.

Работа Н.Н. Ростовой выполнена в соответствии с требованиями, изложенными в «Положении о присуждении ученых степеней», соответствует критериям, которые выдвигаются к соискателю, и поэтому Н.Н.Ростова заслуживает искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент,
доктор философских наук, доцент,
заведующий Лабораторией
стратегических и форсайтных
исследований и разработок,
Новосибирский государственный
университет экономики и управления,
630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56. НГУЭУ.

Тел.: (383) 224-59-10.

e-mail: smirnoff1955@vandex.ru

Сергей Алевтинович Смирнов